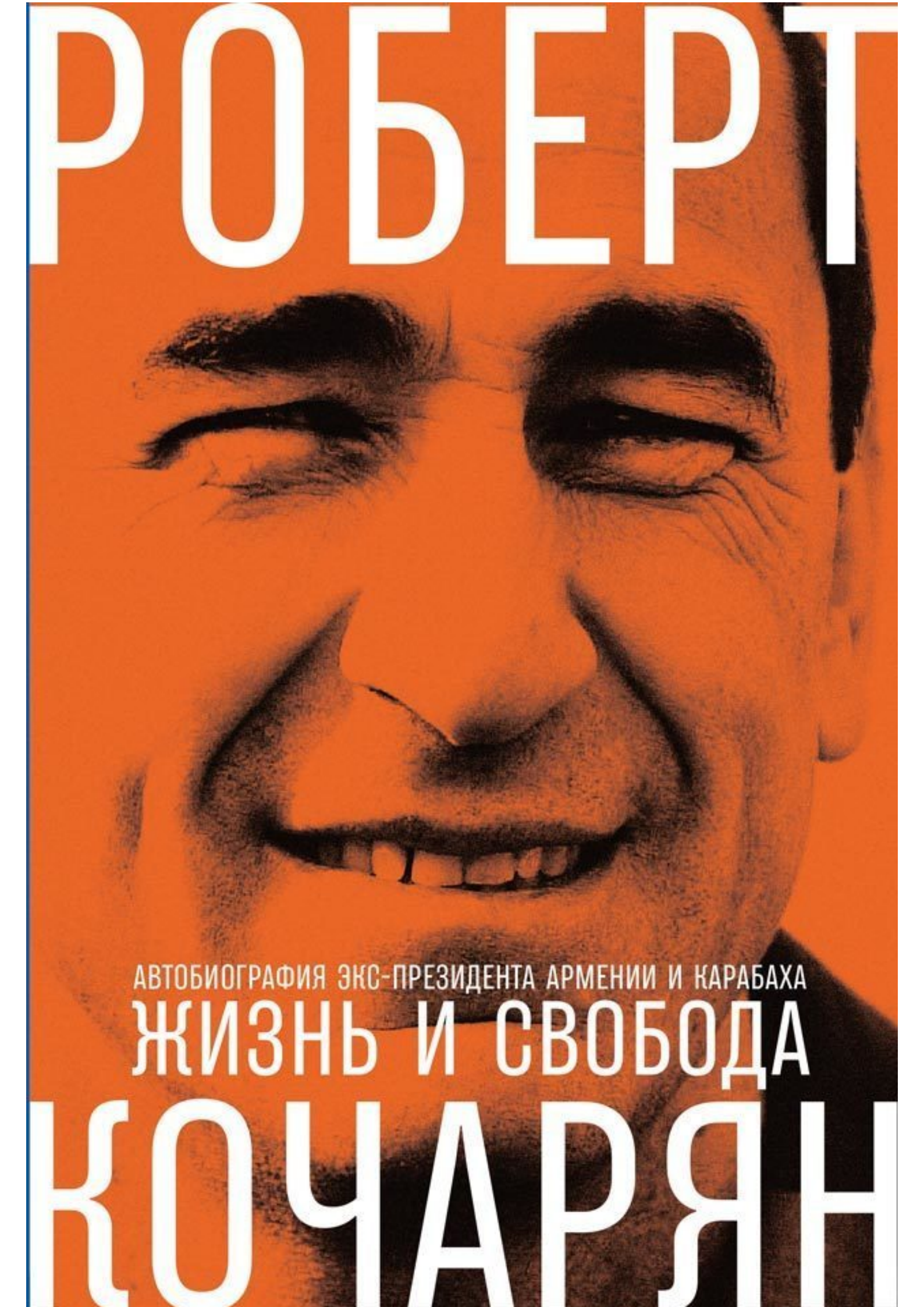

РОБЕРТ

АВТОБИОГРАФИЯ ЭКС-ПРЕЗИДЕНТА АРМЕНИИ И КАРАБАХА

ЖИЗНЬ И СВОБОДА

КОЧАРЯН

Роберт Кочарян

**Жизнь и свобода.
Автобиография экс-
президента Армении и Карабаха**

«Альпина Диджитал»

2019

Кочарян Р.

Жизнь и свобода. Автобиография экс-президента Армении и Карабаха / Р. Кочарян — «Альпина Диджитал», 2019

Книга бывшего президента Армении и бывшего президента непризнанной Народно-Карабахской республики проливает свет на события одного из самых сложных периодов новейшей истории армянского народа. Перед вами версия организатора и участника важнейших событий в Армении и Карабахе. Эти сведения ранее нигде не публиковались. Здесь вы найдете засекреченные документы, а также исторические фото из личного архива Роберта Кочаряна.

© Кочарян Р., 2019

© Альпина Диджитал, 2019

Содержание

Предисловие	6
Часть I	8
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	18
Часть II	28
Глава 5	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Роберт Кочарян

Жизнь и свобода. Автобиография экс-президента Армении и Карабаха

Консультант проекта *Марк Розин*

Редакторы *Василий Подобед* и *Марина Костромина*

© Кочарян Р. С., 2019

© ООО «Интеллектуальная литература», 2019

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

Предисловие

Армяно-азербайджанский конфликт вокруг Нагорного Карабаха стал одним из первых предвестников распада СССР. Слабеющая центральная власть явно не справлялась с экономическими проблемами, а «перестройка и гласность» катастрофически быстро разрушали систему управления страной. Власть оказалась не способна предложить обществу что-то новое, привлекательное и мобилизующее. Страна, которая опиралась на сверхцентрализацию и была скреплена идеологией, стремительно теряла ориентиры. Несмотря на это, угроза целостности Советского Союза стала реальной и необратимой лишь тогда, когда начался разлом по самому уязвимому месту – по этническому признаку.

В эти драматичные времена я оказался в эпицентре армяно-азербайджанского конфликта и стал одним из главных действующих лиц. Митинги, забастовки, чрезвычайное положение, комендантский час, вооруженные формирования, этнические столкновения, стычки с войсками, война – все эти события впервые в Советском Союзе произошли в Нагорном Карабахе и вокруг него. Жизнь показала, что у нас в Карабахе не было другого выбора: мы отчаянно отстаивали наше право жить на земле своих предков. Будучи партийным работником, я сразу же стал одним из лидеров карабахского движения, занимался как его политической составляющей, так и формированием вооруженного подполья – основы будущей Армии обороны НКР. Лето 1992 года, когда половину Карабаха оккупировали азербайджанские войска, оказалось для нас самым трагическим. Сложилась опаснейшая ситуация, и тогда я предложил модель кризисного управления, адекватную нависшей над нами угрозе потери Карабаха. Взял ответственность на себя, создал и возглавил Государственный комитет обороны – высший орган власти Республики с чрезвычайными полномочиями. Успех был ошеломляющий! За неполные два года нам удалось не только вернуть контроль над всем Карабахом, но и создать вокруг него надежный пояс безопасности.

Сразу после войны меня избрали первым президентом Нагорного Карабаха. Однако в 1997 году случился неожиданный поворот судьбы, и я стал премьером, а затем и Президентом Армении в критический период ее развития. Конфликт с действующим президентом, вызвавший его отставку, внеочередные выборы, потрясший страну теракт в парламенте... Это были чрезвычайно трудные годы как преодоления кризисов, так и созидательной работы и успешных реформ, во многом изменивших облик Армении. За десять лет моего президентства ВВП Армении вырос в пять раз! Мне посчастливилось поработать премьером и президентом в двух странах, признанной и непризнанной, причем в самые насыщенные событиями годы их становления. Так что мне действительно есть о чем рассказать.

Писать книгу я не собирался, хоть и понимал, что моя биография уникальна и может быть интересной. Просто не думал, что когда-нибудь возьмусь рассказывать о своем жизненном пути. Вести дневник у меня привычки не было, в воспоминания погружаться не любил, старые альбомы не листал – словом, в прошлом не застревал. Всегда был занят делами, смотрел вперед и строил планы на будущее. Сразу после ухода в отставку многие уверяли меня в том, что я непременно должен заняться мемуарами, но сам я не ощущал в этом необходимости. Впервые я задумался о книге после двух встреч за пределами Армении, куда был приглашен спикером. Меня приятно удивил и вдохновил живой интерес аудитории к событиям, о которых я рассказывал. Многие участники встречи спрашивали, почему я до сих пор не написал книгу – ведь она получилась бы очень интересной. Но окончательное решение я принял, познакомившись на стратегической сессии АФК «Система» на Алтае с Марком Розиным¹. После интервью, которое Марк брал у меня как у независимого члена совета директоров компании, он

¹ Розин, Марк – управляющий партнер «ЭКОПСИ Консалтинг».

заговорил о книге и сказал, что я обязательно должен ее написать. Тогда я подумал, что мне действительно стоит поделиться с людьми историей моей жизни.

Признаюсь, что когда я начал работу над книгой, то сильно пожалел о своем решении. Но отступить было поздно, никогда и ничего в жизни я не оставлял на полпути. Погружение в прошлое, особенно в его карабахский период, стало тяжким испытанием. Многое, казалось, уже безнадежно забыто. Пришлось перечитать все мои старые интервью, посмотреть сохранившиеся видеозаписи, провести множество встреч и бесед с участниками событий тех лет. Поразительно, как откуда-то из глубин памяти вдруг стали всплывать живые картины того, что случилось давным-давно! Даже лица людей, о существовании которых вроде бы позабыл, их имена и связанные с ними переживания! всю жизнь я настойчиво и весьма успешно тренировался контролировать эмоции. Работая над книгой, я заново учился раскрепощать их – и это оказалось лучшим способом высвободить похороненные в недрах памяти образы.

Мне хотелось, чтобы книга получилась интересной, а не просто описывала исторические события, в которых я участвовал. Хотелось показать канву истории и ту нить, которую мы вплели в нее, – рассказать о том, почему мы поступали так или иначе, что нас беспокоило, что нам мешало, а что помогало и вдохновляло. Впервые раскрыть закулисные подробности самых драматичных отрезков нашей новейшей истории.

Вначале я думал написать обо всем, что происходило в те захватывающие годы, а также назвать имена всех, с кем мы прошли тяжелейший путь как в Карабахе, так и в Армении. Но от обилия фактов книга теряла динамику, становилась слишком грузной, академичной и неудобочитаемой. В итоге я решил рассказать только о самых важных событиях, в которых участвовал.

Я благодарен всем, с кем работал, общался и дружил, и приношу извинения тем, чьи имена не прозвучали в книге.

Часть I

Мирная жизнь

Глава 1

Детство

Я родился и вырос в Степанакерте – маленьком городке, центре Нагорного Карабаха, или Арцаха, как его называют у нас. Когда я возвращаюсь мыслями в детство, мне вспоминается уютный, очень чистый, зеленый и ухоженный город, спрятанный в горах от всего мира.

Говорят, что через два года человек забывает многое из того, что с ним случилось, кроме самого хорошего или плохого. Единственная детская трагедия, о которой я помню до сих пор, – смерть нашей собаки: Джульбарса сбил автомобиль. Все остальные воспоминания овеяны сказочной теплотой, и моя память хранит множество ярких и радостных картинок.

Очень хорошо помню, как впервые сам поплыл. Было мне тогда лет шесть. Мы с братом купались в небольшом озере недалеко от дома, сначала я барахтался у берега, а потом, незаметно для себя, забрался глубже, где ноги не доставали до дна. Вдруг чувствую, вода меня подхватывает и держит, я делаю движения руками и – по-собачьи, конечно, – но плыву! Тем же летом научился ездить на двухколесном велосипеде, и это тоже получилось легко, само собой: р-раз – и вот я уже несусь вместе с мальчишками по пыльной дороге. Способность сохранять равновесие и страсть к скорости остались у меня на всю жизнь.

До сих пор помню в деталях первую поездку к Черному морю всей семьей на нашем «москвиче». Ночевали мы в палатках прямо на берегу, в кемпингах. И конечно, самое сильное впечатление – море. После наших горных речек оно казалось таким теплым, что из воды нас было не выгнать. Тогда я и научился неплохо нырять в маске с трубкой.

Жизнь ребятни в те годы проходила на улице. Летом мы просыпались рано, мчались на речку и проводили там весь день: купались, рыбачили, играли. Большинство наших игр сегодня никто не помнит, они давно исчезли. Я очень любил походы и часто, прихватив палатку, уходил в горы – с друзьями или братом. Наше знаменитое Шушинское ущелье я изучил вдоль и поперек – знал все тропинки и укромные места, облазил все пещеры и запросто мог заночевать в горах и без палатки.

Зимой главным развлечением становились коньки и лыжи. Как мы с друзьями радовались снегу! Горных лыж, конечно, тогда еще ни у кого не было, мы брали широкие солдатские, придумывали приспособления, чтобы закрепить пятку, забирались повыше и неслись вниз.

Снега выпадало много, он долго не таял, и все дороги в городе превращались в сплошной каток – соль тогда не сыпали. Городским автобусам, чтобы они не буксовали, на колеса наматывали цепи. Пока автобус, пытаясь, медленно поднимался в верхнюю часть города, мы, мальчишки, надев коньки, цеплялись к нему сзади, а потом скатывались по улицам. Коньки моего детства, «снегурки», сильно отличались от современных: просто два стальных полоза, которые привязывались веревками к обычным ботинкам.

Наша семья жила в каменном доме, который сложил еще мой дед. Я помню, как мы каждое лето красили суриком жестяную красную крышу, чтобы она не ржавела. Несколько раз дом достраивали: изначально внутри была лишь одна комнатка, но со временем он постепенно расширялся – появились еще две комнаты, веранда и подвал. До сих пор ясно вижу висящие на стенах старые фотографии – дедушка, бабушка, прадедушка. Мне, ребенку, дом казался громадным. Увидев его через много лет, я удивился: какой он, оказывается, маленький. В войну

дом уцелел, а потом его снесли – не так давно я обнаружил на этом месте стройку. Пропал и сад, который начал сажать еще дед.

Сад был большой радостью и гордостью отца. Выдающийся агроном, он очень любил свое дело. Три громадных тутовых дерева примыкали прямо к дому, и мы, дети, постоянно лазали по ним. И конечно, ели сладкую спелую шелковицу. Взрослые из этих ягод делали сироп. И водку. Я до сих пор если и пью водку, то обычно тутовую.

Мы жили вшестером: родители, бабушка, мой брат Валера, я и наша сестра Ивета, дочь отца от первого брака, тогда уже студентка. После вуза она осталась работать в Армении, а потом и вовсе уехала в Москву, вышла замуж.

У нас с Валерой была своя комната – одна на двоих. При небольшой разнице в возрасте, всего два года, в детстве мы с ним частенько дрались – из-за ерунды, конечно: я, младший, ершился, ни в чем не желая уступать брату. А потом Валера вдруг вырос, стал большим, мощным, повзрослел, почувствовал силу, и в этот момент наши отношения переменились. Драки закончились, и началась дружба, которая длилась всю жизнь.

Существовали у нас и свои семейные тайны. Одну из них – историю моего отца – я узнал, только уже став взрослым.

Дед с семьей жил в Баку. Когда в 1918 году в Баку вошли турки и начались погромы армян, отец потерялся. Восемилетний мальчик, с толпой убегающих он оказался на пароме и переправился через Каспий в Среднюю Азию. Революция, гражданская война, власти нет, везде беспорядки, но мои дедушка и бабушка с дочерьми выжили и добрались до Карабаха. А отец долго скитался бездомным и в конце концов, неизвестно как, оказался в Ташкенте. И тут ему повезло: его и других таких же, как он, беспризорников, приютил состоятельный армянин. Дети работали на него, а армянин их кормил и даже отправил в школу. В общем, спас детей.

Бабушка все эти годы не теряла надежды найти своего сына. В стране постепенно восстанавливался порядок, начала работать почта. И бабушкин брат, ставший большим человеком в милиции – он руководил подразделением по борьбе с бандитизмом, – сумел разыскать пропавшего шесть лет назад ребенка в Ташкенте и привезти его в Степанакерт. Отцу к этому моменту уже исполнилось четырнадцать. Бабушка стыдилась случившегося: как же она могла потерять сына? – и запрещала отцу рассказывать об этом. Никто и не знал. Хотя, конечно, отголоски этой истории слышались то тут, то там. Например, каждый год к нам в гости приезжал папин близкий друг из Ташкента. «Что за друг? Откуда в Ташкенте друг?» Папа не отвечал, и лишь потом выяснилось, что они в детстве вместе работали у того самого армянина.

Еще одна тайна касалась моего деда.

Я его никогда не видел: он умер до моего рождения. Однажды я совершенно случайно, в деревне, столкнулся с человеком, который сказал, что хорошо знал моего деда, деранца² Саркиса. Я спросил, почему он называет деда «деранц». «Как же! – говорит. – Твой дед был последним священником в нашем районе!» Когда дед вернулся в Карабах, спасаясь от погромов, ему, как знавшему грамоту, предложили стать священником: грамотные тогда встречались редко. Дед согласился и служил до конца 20-х годов, пока не закрыли последнюю церковь. Отец же вырос убежденным коммунистом, но в партию его долго не принимали: происхождение неправильное. Папа очень переживал и даже много лет спустя очень неохотно обсуждал с нами эту тему.

Бабушка по отцу отличалась суровым характером – я не помню, чтобы она когда-нибудь улыбалась. Вдова священника, бабушка не верила в Бога. Мы с братом иногда подшучивали над ней: «Бабушка, а нам в школе сказали, что Бог есть!» Она только отмахивалась и просила нас не говорить ерунды. Хотя бабушка никогда и не наказывала нас с братом, слушались мы ее беспрекословно, видимо ощущая ее внутреннюю силу и жесткость. У бабушки было трое

² «Деранц» – в переводе с карабахского наречия армянского языка – человек из семьи священнослужителя.

детей: старший сын – мой отец – и еще две дочери. У одной дочки муж погиб во время Отечественной войны, и она жила вдвоем с сыном в Баку, а младшая со своей семьей – в Степанакерте недалеко от нас. Умерла она рано и внезапно, когда я уже служил в армии, а ровно через год после ее смерти бабушка наглоталась снотворного – хотела наложить на себя руки. Когда бабушку откачали, она объяснила: «Я не должна была пережить свою дочь».

Взрослые в нашей семье никогда не ссорились, голоса на детей не повышали. Мама со свекровью жили мирно. Может, выясняли отношения, когда дети не видели? Думаю, нет: наши будни ничем не омрачались. Дом полностью держался на матери. Волевая, в меру строгая и практичная, она определяла внутренний домашний распорядок, вела семейные расходы и занималась нашим воспитанием. На ней лежала ответственность за все, что касалось учебы детей. Мой старший брат, помню, тяжело вставал по утрам. Я-то просыпался сам еще до будильника, а вот Валеру приходилось долго тормошить. Мама его будит, а брат сонно бормочет: «Ну мам, ну еще минуточку... ну еще секундочку...» Вот тут у мамы могли появиться и жесткие нотки в голосе.

А основным источником моих конфликтов с матерью служили занятия музыкой. Ее дальний племянник хорошо играл на скрипке, и мама мечтала, чтобы я тоже научился музицировать. В первом классе она отправила меня в музыкальную школу, я же страшно стеснялся скрипки и сильно ее возненавидел. Когда шел по улице с футляром, уши горели, хотелось провалиться сквозь землю. Два года я промучился, а на третий нашел решение. Выхожу будто бы на занятия, а сам незаметно, чтобы прохожие не увидели, прячу футляр в самшитовые кусты и бегу гонять с ребятами в футбол. Поиграю, заберу скрипку – и как ни в чем не бывало возвращаюсь домой. Пару месяцев я так прогуливал музыку, пока учительница не позвонила родителям. Тут моя тайна раскрылась, и дома разразился страшный скандал. Мама хотела вернуть меня в школу, но я отказался. Наотрез. Уже научился сопротивляться. Мама уступила, но взялась за брата. Валеру она отдала учиться на фортепиано. Он бросил. Тогда мама упростила его заниматься кларнетом – та же история. В общем, мать не сдавалась, мы тоже, и музыкантов из нас так и не вышло...

И все же главным в семье был отец. Помню, что с работы он приходил поздно и часто ездил в командировки. Отец увлеченно занимался сельским хозяйством и отвечал за него в масштабах всей области; успешное развитие виноградарства в Карабахе – это его заслуга. Кроме того, отец много лет занимал должность заместителя председателя облисполкома и при всей своей невероятной загрузке успевал вести научную работу. После защиты кандидатской он остался в нашем городе, что было довольно необычно по тем временам: люди, получившие ученую степень, чаще всего уезжали в столицы – в Баку или Ереван. А отец верил, что он нужен здесь, в Нагорном Карабахе. В этих горах он, агроном, создавал город-сад, строил коммунизм, в идеи которого искренне верил всю свою жизнь.

Из-за работы отец не часто мог возиться со мной, но постарался дать мне главное, что, по его мнению, должен уметь мужчина. Помню, как он научил меня водить машину. У нас был старый «москвич», кажется, 403-й модели, с округлыми формами. Мне тогда только исполнилось тринадцать лет, и я был невысоким. Папа посадил меня за руль и говорит: «До педалей достаешь?» – «Достаю». – «Дорогу видишь?» – «Вижу». – «Ну, поехали». И я поехал.

Отец же впервые дал мне в руки ружье – одностволку, шестнадцатый калибр. Сначала мы стреляли по самодельным мишеням, нарисованным на фанере или картоне, а потом отправились на охоту в горы. Помню, как я гордился собой, когда в первый же раз подстрелил куропатку. Вскоре отец разрешил мне самому брать ружье, а потом и вовсе отдал. Ни у кого из мальчишек в нашем дворе своего оружия еще не было. Мы собирались с пацанами и с этим ружьем – одним на всех – шли в горы охотиться.

Учился я в русской школе, и учился хорошо. Неважно, нравился мне предмет или нет, но прийти на урок неподготовленным казалось невыносимым. Я представить себе не мог боль-

шего позора, чем беспомощно стоять у доски, не зная, что ответить. Я вообще был быстрым и дисциплинированным: пришел из школы, сделал в два счета все уроки – и свободен. Математика, физика мне давались легко, любил географию и литературу. Языки шли гораздо хуже, в том числе русский: сочинения я писал хорошие, но ошибки сажал... А единственные два предмета, к которым меня в школе совсем не тянуло, – армянский и английский. И жизнь, как нарочно, заставила меня выучить их уже взрослым. Как я пожалел, став премьер-министром Армении, что часто пропускал уроки армянского! В школе я и не догадывался, что он мне так сильно понадобится: наш карабахский диалект здорово отличается от армянского языка, и в Армении его понимают плохо.

Центром нашей жизни был двор.

Частный дом, в котором мы жили, примыкал к большому многоквартирному, и в его просторном дворе каждый вечер собирались соседи – взрослые, старики, дети. Все хорошо знали друг друга и проводили свободное время вместе как одна большая семья. Помню беседку посреди двора, в которой взрослые беспрерывно сражались в нарды и в шахматы, подтрунивая друг над другом, а мы, дети, носились вокруг. Помню, как в ответ на очередную остроумную шутку кого-нибудь из игроков беседка взрывалась дружным хохотом, и этот хохот, отраженный от стены дома и усиленный эхом, докатывался до самых дальних уголков двора. А поскольку подтрунивали все надо всеми постоянно, то и смех не умолкал ни на минуту. Словом, атмосфера во дворе царила дружелюбная и веселая.

Наш двор считался элитным. В большом доме жили начальник областной милиции, начальник народного контроля и несколько работников обкома партии. Да и в целом народ подобрался интеллигентный: читали книжки, занимались спортом. Рядом находилась школа со спортивной площадкой, и мы играли там в футбол, в баскетбол, в ручной мяч – он тогда пользовался большой популярностью. Бывало, конечно, и так: не поделим что-то во время игры, поссоримся и подеремся, но эти происшествия не разрушали нашу дружбу. Ниже по улице попадались хулиганистые дворы, и иногда ребята оттуда приходили к нам на площадку поиграть в футбол: то дружно играли, то дрались двор на двор. Но серьезных стычек не случалось – просто иногда махали кулаками от избытка сил и азарта.

В общем, детство мое прошло безоблачно и счастливо, как и у большинства карабахцев моего поколения. Наверное, я пристрастен, но я и сейчас уверен, что наш край был особенным. Вокруг – и в Азербайджане, и в Армении, и на всем Кавказе – процветало взяточничество, пользовались авторитетом воры в законе. А Карабах оставался оазисом законности и порядка, слово «взяточник» воспринималось как самое страшное оскорбление, и люди всерьез считали, что строят коммунизм. Видимо, идея о всеобщем равенстве и братстве оказалась созвучна традиционным ценностям, на которых воспитывались многие поколения карабахцев, и мечта об идеальном обществе прижилась на нашей земле. Жители Нагорного Карабаха, добропорядочные советские граждане, искренне верили в светлое будущее.

Так мы и жили – просто и спокойно, и казалось, никакие потрясения не потревожат наш тихий и уединенный край – лишь поколения будут сменяться поколениями.

Глава 2

Московский студент

В десятом классе я точно знал свой следующий шаг: поеду в Москву и буду поступать в технический вуз. Дальше не заглядывал: вся остальная жизнь казалась чистой страницей, на которой можно написать любую историю. Технический вуз я выбрал потому, что естественно-научные дисциплины мне нравились гораздо больше, чем гуманитарные. Москву – потому, что единственным институтом в Степанакерте был педагогический, и я его вообще не рассматривал как вариант. Если ребята из Степанакерта хотели получить хорошее образование, чаще всего они ехали в Ереван или Москву. Уехать учиться в другую страну тогда было невозможно: границы закрыты, лучшее образование в Советском Союзе – в Москве, значит, мой путь лежит в Москву.

Сдав школьные экзамены за десятый класс на отлично, я собрал чемодан и отправился в столицу. В Москве меня встретила сестра – она жила с мужем в Реутове. На время экзаменов я поселился у них. На следующий день поехал подавать документы в Московский энергетический, смотрю – все столбы вокруг института пестрят объявлениями: репетиторы предлагают свои услуги. Оказывается, у москвичей совсем другая подготовка! У нас-то даже и слова такого – «репетитор» – не существовало. Считалось, что достаточно просто хорошо учиться в школе. Стало быть, надо наверстывать! До экзаменов еще оставалось время. Я нашел себе репетитора по математике, договорился о занятиях и с головой погрузился в подготовку. Так что первые две недели жизни в Москве запомнились мне как кошмар круглосуточной учебы.

Вопреки своим опасениям, я неплохо сдал экзамены и поступил на факультет энергетики. Позвонил отцу. Сотовой связи тогда не было – чтобы позвонить в другой город, нужно было идти на почтамт, заказывать звонок, причем заранее говорить телефонистке, на сколько минут разговор, и сидеть ждать соединения. Отец, услышав, что я стал студентом, обрадовался. Несмотря на присущую ему сдержанность, я почувствовал: он гордится тем, что его сын будет учиться в столице.

Только теперь я впервые поднял голову и осмотрелся. Мне уже доводилось бывать в Москве раньше, классе в седьмом или восьмом, но это была совсем короткая поездка, и я тогда мало что запомнил. Теперь же меня, парня из небольшого горного городка, Москва впечатлила по-настоящему: иные масштабы, атмосфера, метро с его подземными дворцами, совершенно другой народ. Потерянным я себя не ощущал – радовался, гордился, наслаждался летом, целыми днями бродил по городу, впитывая дух столицы.

С осени начались занятия в институте. Учиться оказалось легче, чем я ожидал, но и не так уж увлекательно. Может быть, потому, что в моей жизни появился очень интересный и образованный человек, настоящая живая энциклопедия – муж моей сестры Ким Григорян. Человека такой эрудиции я никогда не встречал прежде – да, наверное, и до сих пор. Ким тоже был родом из Степанакерта, окончил текстильный институт в Москве. Возглавлял конструкторское бюро на каком-то большом заводе. Я поселился в студенческом общежитии в Лефортово, но почти все выходные проводил в Реутове, у Кима и моей сестры. Именно в этой маленькой квартирке и началось мое неформальное образование.

Вечера мы с Кимом просиживали на кухне. Он говорил непривычные вещи. Я вырос в семье, где справедливость и эффективность советского строя никогда не подвергались сомнению. Обычный советский мальчик, сын коммуниста, я считал, что живу в лучшей стране в мире. И вот день за днем, вечер за вечером Ким показывал мне реальность. Я узнал про репрессии Сталина, узнал про миллионы людей, умерших от голода во время коллективизации, узнал про арестованных перед самой войной красных командиров, узнал о тайном сговоре Сталина и Гитлера, решивших разделить Европу.

Ким не был деятельным диссидентом – он просто очень трезво мыслил и бескомпромиссно критиковал существующий строй. Мало кто в Союзе тогда понимал, каким страшным на самом деле был режим Сталина и каким затхлым – брежневское время. Во мне Ким нашел благодарного и, вероятно, редкого слушателя и обрушивал всю эту правду на меня. А глубоко ночью, устав от долгих разговоров, мы вместе ловили сквозь шум глушилок «Радио “Свобода”» или слушали джаз.

С собой Ким давал мне книги. Не самиздат, а политическую, философскую, богословскую литературу – но она тоже меняла сознание.

Началось с «Богословско-политического трактата» Спинозы. Никогда прежде я не читал ничего подобного. Было очень сложно, но безумно интересно. После этой книги мир раскрылся передо мной по-новому, я поверил, что только общественный договор, основанный на разуме и добровольно принятый людьми, способен обуздать страсти и пороки отдельного человека. С советской действительностью подобные идеи не имели ничего общего, но тогда я и не пытался увязывать их между собой, а просто впитывал в себя. Хотя, возможно, десятилетия спустя, когда уже стал президентом постсоветской Армении, на многие из моих решений исподволь влияла эта, написанная в XVII веке, книга, которую я прочел в 17 лет.

Однажды Ким подарил мне Библию. Это была маленькая карманная книга в гибкой обложке, которая содержала тысячу страниц – само по себе уже маленькое чудо. Прочитал я ее бегло, не до конца понимая, зачем мне это. Верующим, конечно же, не стал, но тот идеологический каркас, который тогда встраивали в каждого из нас, пошатнулся: Библия выглядела человечнее морального кодекса строителя коммунизма, висевшего в коридорах каждой школы как наглядная агитация.

Хотя беседы с Кимом и книги стали для меня в тот год мощным потрясением, я не превратился в философа или диссидента. К учебе, правда, охладел – технические дисциплины не давали ответа на философские вопросы, а такие вопросы приходили мне в голову все чаще. У меня появилось ощущение, что, может быть, я неправильно выбрал вуз, но продолжал заниматься и неплохо сдал первую зимнюю сессию. И еще успевал при этом жить полноценной студенческой жизнью – у меня появились друзья, мы вместе гуляли по Москве, ходили в кино, в кафе – развлечений и соблазнов, отвлекающих от учебы, в столице хватало. Среди студентов почему-то очень популярна была «Метелица» на Калининском (теперь это Новый Арбат) – набеги туда считались высшим шиком. По субботам заглядывали на дискотеку в нашем общежитии. Одна из дискотек стала поворотной точкой в моей студенческой жизни.

Как-то в конце мая, прямо перед сессией, на дискотеке появился незнакомый нагловатый парень. Вел он себя вызывающе – полагал, что вправе делать что угодно, и явно напрашивался на конфликт. Я вспылil. Друзья пытались меня остановить, говорили, что он чей-то сынок – мол, не связывайся лучше, отойди... Я не отошел, и дело кончилось дракой. Я его ударил, и, как оказалось, сильно. Ничего не повредил, не сломал, но фонарь под глазом поставил большой. Сам я этой истории особого значения не придал: подумаешь, всякое бывает – помахаетесь, потом остынешь, и даже подружиться можно.

Через день меня вызвали в деканат. Потребовали написать объяснительную, грозили отчислением. Я неумело оправдывался: «Он сам лез...» Оказалось, что этот парень – родственник кого-то из институтского начальства, поэтому инцидент на дискотеке внезапно стал предметом чрезмерного внимания. Сразу меня не исключили, пожалуй, только потому, что уж слишком очевидна была вина этого парня: он был изрядно выпившим и сам спровоцировал драку. Но история тянулась, в деканат мне приходилось ходить снова и снова, отношения с руководством факультета сильно испортились, и мой интерес к учебе, и без того слабый, на этом фоне угас вовсе. Родителям рассказать об этом происшествии я не мог категорически, с сестрой и Кимом тоже почему-то не поделился.

В конце концов я сказал декану, что переведусь в другой институт, и попросил дать мне возможность уйти по собственному желанию. На этом и договорились.

Снова настало лето, еще один июнь. Год назад я приехал в Москву, сдал экзамены, увидел себя в списке зачисленных и позвонил отцу сказать, что стал студентом. Отец так гордился своим сыном... Теперь я держу в руках документы об отчислении. Сам уход из института меня не особо расстроил, но мне было невыносимо стыдно перед отцом, и я долго откладывал разговор с ним. Я понимал, что для него эта новость станет настоящей трагедией.

Но дальше тянуть было некуда, и я пошел на почтамт.

Протягиваю девушке бумажку с нашим домашним номером телефона, сажусь и жду соединения. Время ползло невыносимо. Минуты казались часами. И вот, наконец, далеко в трубке, через помехи и треск я слышу радостный голос отца – сын звонит!

– Папа, я ушел из института.

Отец ошеломлен неожиданной новостью.

– Почему? Что случилось?

Я мучительно пытаюсь подобрать ответ: про конфликт рассказать не могу, а в то, что я не справился с учебой, отец не поверит – я всегда был отличником.

– Не сложилось. Не хочу больше учиться. Пойду в армию.

Отец молчит. Он не знает, что сказать.

– Поеду в Харьков.

В Харькове жили родные братья матери. Домой я ехать не мог – не знал, как посмотреть отцу в глаза.

Месяц я проболтался в Харькове и вернулся в Степанакерт. Я видел, что отец расстроен, но расспрашивать меня он ни о чем не стал. Я тоже всячески избегал разговоров о прерванной учебе.

Устроился слесарем-сборщиком на электротехнический завод. Пять дней работал, а на выходные с друзьями уходил в горы, часто с ружьем. Наступившая осень, невероятно живописная в Карабахе, раскрашивала горы разноцветьем ярких красок. Иногда даже охотиться не хотелось, чтобы не нарушать царящие здесь мир и тишину, и я просто бродил по горным тропам. Московское студенчество отступало все дальше в прошлое и потихоньку забывалось.

Глава 3

Армия

Никаких планов на будущее я не строил, ждал призыва в армию. У всех моих друзей была повестка на 9 ноября, и я хотел призываться с ними – в надежде, что мы попадем служить вместе. Но обо мне в военкомате забыли: я ведь уезжал на учебу, и, видимо, мои учетные документы где-то задержались. Пришлось просить отца помочь. Отец позвонил военному, которого хорошо знал: так мол и так, сын срочно, прямо сейчас, хочет служить. Военком страшно удивился, говорит: «Вы первый человек, кто мне звонит для того, чтобы сына поскорее в армию взяли! Обычно просят не забирать или призвать попозже!» Просьбу отца он выполнил, и сразу после ноябрьских праздников я ушел в армию.

Попал я в железнодорожные войска, о существовании которых раньше даже не подозревал. Решил, что, наверное, мы будем разъезжать из конца в конец страны по железной дороге, выполняя военные задачи. А оказалось, что нам предстоит строить эти самые железные дороги, по которым разъезжать будут другие. Отличие от стройбата заключалось лишь в том, что в железнодорожных войсках за работу ничего не платят... Романтика армейской службы исчезла сразу же.

Сначала была учебка в Череповце. Город запомнился мне только трубами металлургического комбината. До горизонта – сплошные трубы, трубы, трубы, и каждая дымит своим цветом, от оранжевого до черного. Пошел снег – и на следующий день он весь разноцветный, раскрашенный сажей из этих труб. В учебке собрались группы из разных республик, разных регионов страны; нас, карабахцев, там оказалось человек десять, и среди них – никого из моих друзей.

Учебка – это явление особенное. Множество парней одного призыва попадает в непривычные условия, где они должны понять и прочувствовать, что такое воинская служба. Отчасти это понимание происходит через процесс притирки и выстраивания внутренней неформальной иерархии, а именно: кто будет спать на нижнем и кто на верхнем уровне двухъярусной кровати или кто из напарников будет в наряде отвечать за чистоту туалетов. Туалеты чистить мне совсем не хотелось.

Именно здесь я глубоко осознал суть «естественного права» из «Политического трактата» Спинозы. Единственным инструментом самоутверждения стали кулаки и постоянная готовность их применить. Я был в хорошей форме, годы занятия вольной борьбой оказались очень кстати, а воли и духа хватало через край. Непонятно откуда появились дерзость и агрессия, которых я в себе никогда не замечал. Очень скоро меня все стали уважать. Парень, выросший в интеллигентной семье, в спокойном городе, в элитном дворе, вдруг оказался в обстановке, где за место под солнцем надо бороться жестко и беспощадно. Я столкнулся с той частью реального мира, от которого был защищен в детстве и юности, и этот период стал очень важным этапом моего становления. Я приобретал навыки поведения в недружелюбной, а порой и чрезвычайно агрессивной среде. Возможно, без них я не прошел бы те испытания, которые судьба мне уготовила в будущем.

Из учебки меня направили сначала в Пушкино под Ленинградом, затем в Вологду. Везде была одна и та же история: притирка и самоутверждение, но проходили они уже гораздо проще.

Вообще такую службу в армии трудно назвать воинской: на стрельбище я побывал всего раз, отстрелял девять патронов, а боевой техники за все годы и в глаза не видел – только тракторы и самосвалы. В Ленинграде два месяца я и вовсе жил вольной жизнью. Первый месяц мы втроем работали в мастерских Минобороны по ремонту прицепов. Жили там же в мастерских, работали много, но были абсолютно свободны по вечерам. Тогда я весь Ленинград объездил в спортивном костюме. Никаких начальников над нами не было, только пенсионер-охранник.

Еще месяц провел под Выборгом в военном совхозе, где мы – восемь солдат – помогали на сельхозработах, зарабатывая картошку и овощи для нашей части. Жили в местном клубе, я был за старшего: ни устава, ни строевого шага. Здесь, как и в Пушкине, мы напряженно трудились весь день, зато вечерами ходили на танцы, где пользовались большим успехом у местных девиц.

Последний год я служил в Монголии: в Дархане и Эрдэнэте. Служба там сильно отличалась от того, что я видел в стационарных войсковых частях. Когда понадобилось построить железную дорогу из Дархана в Эрдэнэт, к молибденовым месторождениям в Монголии, начальство распорядилось сформировать специальный новый батальон для выполнения этой задачи. Каждая воинская часть железнодорожных войск должна была направить несколько человек из своего личного состава, по квотам, на формирование этого батальона.

Командиры подразделений, чтобы избавиться от своих «траблмейкеров»³ – тех солдат, которые создавали им постоянные проблемы, – написали им хорошие характеристики и сослали в новый батальон. Я тогда служил в Вологде и сам напросился в этот батальон из-за друга, которого туда включили первым номером. Коля, парень из Брянска, был большой головной болью комбата. Хулиганистый до невозможности, завсегдатай гауптвахты, притом начитанный и толковый, он достал все начальство своими очень грамотными письмами-жалобами в разные инстанции. Писал он их постоянно, и после каждой жалобы в часть приезжала какая-нибудь комиссия с проверкой. Командир части, конечно, был в ярости.

Помню, как после очередной проверки на утреннем разводе командир, весь багровый от злости, орал перед строем: «Тут в стенгазету заметку написать некому! А этот х... – целое письмо накатал, причем аж самому министру!» Думаю, наш командир больше всех обрадовался строительству важной железной дороги в братской Монголии.

И вот нас, этот новый батальон, загрузили в плацкартный состав, и десять дней мы добирались до места назначения. Представьте себе поезд, в который собрали самых строптивых, пьющих, буйных, и никто не знает, кто на что способен, кто «салага», кто «дед», а впереди – десять дней пути. Притирка началась сразу же, на этот раз под стук колес движущегося железнодорожного состава. Своего нового комвзвода за всю дорогу мы видели лишь дважды: при посадке и в день приезда, уже с большим фонарем под глазом. Где он его заработал – не знаю, но было видно, что комвзвода не просыхал всю дорогу. Оказалось, что офицеров и прапорщиков отбирали почти так же, как солдат: тех, от кого начальство хотело избавиться. Правда, командиром и замполитом батальона поставили сильных офицеров, но им пришлось приложить немало усилий, чтобы сделать этот бедлам управляемым.

На место дислокации мы прибыли ночью. Вокруг голая степь, и нам предстоит в ней обустроиваться. Разбили палатки. Все пришлось начинать с нуля: и работы самим организовывать, и технику подгонять, и быт налаживать. За много километров во все стороны – никаких населенных пунктов, можно три часа по степи на машине колесить, максимум, что встретишь, – пару юрт или стадо скота, больше ничего.

В этих непростых и очень специфичных условиях жизни и работы у нас в батальоне складывались совершенно иные, нежели в обычной, стационарной войсковой части, отношения. Система поощрений и наказаний не работала. Гауптвахта – далеко, в Улан-Баторе, в увольнения ходить некуда, вокруг – дикая природа. Весь досуг – турник, брусья, поднятие тяжестей и боксерские перчатки. Для офицеров в поле стоял бильярдный стол, но лишь до тех пор, пока во время песчаной бури смерч не поднял его метров на пятьдесят и не грохнул о землю так, что тот весь рассыпался.

Внутренние вопросы обычно решались не по уставу. Наша троица друзей – Гена из Риги, Коля из Брянска и я – оказались на вершине внутренней солдатской иерархии, хотя все мы были рядовыми. С офицерским составом мы поладили, наше подразделение выполняло свои

³ Troublemaker – смутьян, нарушитель спокойствия (англ.).

задачи с опережением. Но требовать классических уставных отношений, какие выстраиваются, например, в Москве или в Германии, где есть хорошие казармы, нормальные бытовые условия, баня, четкий распорядок дня, нормальная еда, у нас было невозможно.

Казарм у нас не было вообще – мы жили в палатках.

Трижды наша войсковая часть перемещалась по мере продвижения строительства железнодорожного полотна, чтобы быть ближе к строящимся участкам. Каждый раз приходилось обустриваться заново. Места были удивительно красивые. Очень своеобразные пейзажи, непривычные для моего глаза: пологие горы, словно растянутые по степи, подчеркивали необъятность просторов нетронутой природы. Климат в тех краях резко континентальный, суровый: зимой до минус тридцати пяти, летом под сорок, в мае – ночью минус три, днем плюс двадцать семь. А мы – в палатках по тридцать человек, с печкой и длинной трубой, где зимой на нижней кровати холодно, на верхней жарко и все старослужащие – на втором ярусе. Летом мясо до нас не доходило, портилось по дороге, холодильников в степи не было. Чтобы не сидеть все лето на консервах, комбат позволил создать бригаду рыбаков, куда я попал из-за моих охотничьих навыков. Ночами мы ловили налимов на реках Орхон и Селенга на всю войсковую часть, а днем отсыпались. Иногда стреляли антилоп, гоняя их ночью по степи на машинах ГАЗ-66, хотя это и не очень поощрялось. Так прошло все лето.

Армия стала для меня хорошей школой, благодаря которой я приобрел бесценный жизненный опыт и серьезную закалку.

После службы отношения с армейскими друзьями продолжались недолго. Наши пути разошлись, а общение на расстоянии в те времена, без соцсетей и сотовой связи, требовало немалых усилий.

Глава 4

Чередa перемен

Лимитчик

Из армии я демобилизовался в конце декабря, под Новый год, и как раз успел домой к празднику. К этому времени и все мои сверстники, отслужив, уже вернулись в Степанакерт – друзья, одноклассники, знакомые, бывшие соседи по двору. Почти каждый день звонки: «О, ты тоже уже здесь? Надо увидеться!» Каждый день встречи – то с одним, то с другим, со всеми хотелось пообщаться. На одной из таких встреч я впервые в жизни перепил. К счастью, понял это, уже оказавшись дома.

Полтора месяца пролетели мгновенно.

Когда дембельское настроение постепенно утихло, я задумался, что делать дальше. Первым делом решил попытаться устроить свою жизнь в Москве. Поехал в столицу, поселился у сестры в Реутове. Пришел в МЭИ и увидел, что там ничего не изменилось, восстановление мне не светит. Махнул на институт рукой и начал искать работу. Приехавших, как и я, в столицу (их тогда называли странным словом «лимитчики» или, пренебрежительно, «лимитá»), заманивая перспективой московской прописки, активно приглашали на стройки, в «Метрострой», на заводы – в те места, куда москвичи шли неохотно. Москва активно строилась, и постоянно требовались рабочие руки. Газеты пестрели объявлениями: «требуются-требуются-требуются».

Вскоре я устроился рабочим в филиал ЖБК-11 недалеко от станции «Серп и Молот». Я понятия не имел, что такое ЖБК – выбор пал на него случайно. Мне хотелось пойти на стройку, но сестра дотошно изучила все объявления и отыскала предприятие, которое, по московским меркам, находилось недалеко от ее дома. К тому же от комбината давали место в хорошем рабочем общежитии квартирного типа, в недавно построенной высотке, и это обстоятельство стало решающим фактором.

Так я начал работать бетонщиком. Если меня спрашивают про этот период, я в шутку отвечаю, что благодаря ему получил большой опыт общения с рабочим классом Москвы и обрел навыки проживания в рабочем общежитии, где требовалась изрядная воля, чтобы не напиваться по воскресным дням, как все. Хотя в остальном мои соседи были хорошими людьми.

Мы делали бетонные колонны для строительства высотных домов. Это трудоемкий процесс: сначала в специальную форму устанавливали арматурный каркас будущей конструкции, ставили на вибратор и заливали бетоном. Затем крановщик перемещал эти заготовки в сушильные камеры. Камеры закрывались, и заготовки просушивались там всю ночь. На следующий день колонны освобождали от форм. Готовые изделия еще пару дней отлеживались и только после этого отправлялись на стройки.

Работа была довольно тяжелой физически, но я, спортивный и крепкий парень, с нагрузкой справлялся. К тому же она неплохо оплачивалась: рублей двести чистыми в месяц, что в те годы считалось достойной зарплатой. Мне одному, без семьи, этих денег вполне хватало на жизнь, а страсти к накопительству я никогда не имел.

Наше общежитие в Новогиреево оказалось всего лишь в одной остановке электрички от Реутова, где жили моя сестра с мужем, так что судьба способствовала продолжению общения с Кимом. Спортom в тот год я вообще не занимался – моя работа вполне его заменяла. Да и негде было заниматься: какой спорт в начале 70-х в рабочем общежитии?

Так незаметно, не оставив в памяти никаких особенных событий, прошел год. В основном я работал, а в свободное время занимался самообразованием, много читал. Впрочем, читал я много всегда, с самого детства, за исключением разве что армейского периода. В Монголии библиотека не радовала разнообразием, однако и там я перечитал все, заслуживающее хоть мало-мальского внимания, притом что армейская жизнь, конечно, не особо настраивает на чтение. Как и тюрьма. Уже во времена карабахского конфликта один из активистов, Мурад Петросян, просидевший в тюрьме лет десять, все время цитировал Ленина. Я его как-то спросил: «Слушай, с твоей-то биографией – и вдруг цитируешь классиков марксизма?» А он ответил, что выучил Ленина наизусть, поскольку в тюремной библиотеке просто больше нечего было читать.

Меня все сильнее увлекала философия. Я запоем читал первоисточники, а если и брал в руки художественную литературу, то только авторов вроде Анатоля Франса, у которого философия искусно вплетена в ткань повествования. Прочитанное мы подолгу обсуждали с Кимом. Сейчас, вспоминая тот период, я себе удивляюсь: как я смог все это прочитать? Как осилил скучных авторов, например Фрэнсиса Бэкона? Но тогда – тогда я читал их безостановочно, с азартом, взахлеб. Кого я только ни прочел – все, что издавалось, все, что можно было достать!

Очень понравился Ламетри. Может быть, он не столь глубок, но у него очень интересный язык. Ну и, конечно, читал классиков: Руссо, Монтеня, Гегеля, Канта, Ницше в самиздате. У Гегеля понравилось самое раннее его произведение «Жизнь Иисуса и его судьба», оно читается легко. Все остальное – просто кошмар! У него одно предложение на полстраницы, с причастными и деепричастными оборотами, и каждое предложение надо перечитывать, чтобы понять его смысл, который часто весьма прост. «Философию религии» Гегеля осилил, но когда попытался прочесть «Философию права», то завяз в самом начале – может, из-за языка. Немецкие философы мне запомнились своим тяжелым слогом, словно они сознательно усложняли язык, чтобы подчеркнуть научность своих взглядов. Возможно, чрезмерная лаконичность моей устной речи – это реакция на страдания от чтения Гегеля.

Шучу, конечно.

Многое из прочитанного тогда быстро забывалось. Я читал философию для удовольствия, а не изучал ее. Но уверен, что потратил время не зря: эти занятия стали хорошей тренировкой ума и повлияли на мою личность. Я испытывал сильнейшую потребность развиваться интеллектуально, постоянно усваивать что-то новое. Возможно, столь интенсивным самообразованием я компенсировал свою тягу к знаниям, пока не учился в вузе.

Друзей в Москве я завел немного. В рабочем коллективе дружбы ни с кем не получилось, да и не могло получиться. Неплохие ребята, почти все они любили выпить: дождавшись получки, тут же бежали или в пивную, или в магазин за бутылкой. Такой образ жизни не имел ничего общего с моими привычками и представлениями о жизни. Зато я познакомился и легко сдружился с парнем из соседнего дома. Звали его Давид Воронов. Умный, интеллигентный, намного старше меня, он уже успел жениться и развестись с женой. Страстный собачник и не менее страстный филателист, Давид постоянно выменивал, продавал, покупал марки – фарцевал, как тогда говорили. Занятие это считалось полулегальным, за фарцовку можно было попасть в тюрьму. Давид и меня пытался приобщить к этой деятельности, и я даже начал немного разбираться в марках, но дальше простого любопытства дело не пошло: к торговле меня совершенно не тянуло.

С Давидом и еще одним парнем, Валерой, я и проводил свободное время. Какие развлечения тогда были доступны? Почти никаких: поход в кафе или на дискотеку по выходным. Летом выбирались за город – за грибами, или купаться, или просто побродить по лесу – иногда с друзьями, иногда с родственниками, с Кимом. Ездили, конечно, на электричке, машин тогда ни у кого из нас не было. Благодаря этим поездкам я для себя открыл невероятно красивые места в Подмосковье, особенно по Горьковскому направлению. Несколько раз ко мне приез-

жали в гости друзья из Степанакерта, наведалься армейский друг, который жил в Риге, я тоже съездил как-то к нему – вот и все выходящие за рамки привычного течения жизни события за тот год.

Через год я решил, что пора возвращаться домой, в Степанакерт. Не хотел задерживаться на работе, которая мне не нравилась, жить в среде, которая меня совсем не привлекала, и заполнять свою жизнь монотонной и оупляющей рутиной, не сулящей никакой перспективы. С завода меня отпускали неохотно: видимо, был на хорошем счету – я действительно неплохо работал. И вообще всегда серьезно относился ко всему, что делаю, будь то учеба, работа или тренировки. Директор филиала пригласил меня к себе, попытался уговорить: «Знаешь, мы тебя можем на другую работу перевести, сварщиком, там полегче и перспективы есть для роста». Но я отказался: «Да нет, я ухожу не из-за того, что мне тяжело. Просто – ну не мое это!»

Встряска

Родители, конечно, обрадовались моему возвращению, но я понимал, что не оправдываю их ожиданий. Они не представляли, что их дети могут не получить высшего образования, для родителей оно являлось чем-то неслменным, обязательным. Когда-то в детстве мать с трудом смирилась с мыслью, что мы с братом не стали учиться музыке, но что сын не окончит институт – это было невообразимо. Впрочем, я прямо сказал им, что сейчас не готов к учебе, и они не стали меня допекать. Хотя это и огорчило отца, он не сказал ни слова: давно уже понял, что бессмысленно мне что-то навязывать.

А пока... пока я наконец-то дома. После хаотичной и нервной Москвы, где заметную часть жизни съедает общественный транспорт, – все свое, знакомое, родное, спокойное, а главное – все рядом. Семья, близкие с детства старые друзья. Устроился на работу электриком на Шелковый комбинат, крупнейшее предприятие в Карабахе. Жил, как все парни моего возраста: активно занимался спортом, который всегда любил, по-прежнему много читал, общался с друзьями. У нас сложилась отличная компания – Юра, мой школьный друг, с которым мы сидели за одной партой с первого класса, Альберт – умница и интеллектунл, одноклассник моего брата и я. Нам было интересно и весело вместе, мы постоянно придумывали себе занятия, почти все выходные проводили на природе. Я часто ходил на охоту, но уже с другой компанией или с братом. Охотиться я всегда любил и хорошо знал наши горы еще с раннего детства.

Кажется, это был самый спокойный и счастливый период моей жизни. Ведь счастье – это когда просто живешь в согласии с самим собой, а не копаешься в себе в поисках предназначения и смысла жизни. Как человек не задумывается о своих внутренних органах, пока они не напоминают о себе болью, так и с душевным равновесием: когда оно есть, ты не анализируешь его причины.

Незаметно пролетели три года.

Мысли об институте у меня периодически возникали, но не задерживались надолго – они плохо сочетались с моей насыщенной и приятной жизнью. Я постоянно был занят: то мы с друзьями едем на охоту на пару дней, то еще что-нибудь придумываем, и я не мог заставить себя переключиться на другие задачи. «Надо все-таки ехать поступать в институт... Надо. Поеду, но не сейчас, попозже. Неслменно...»

И вот однажды – помню, это было весной – приходит повестка из военкомата. Требуют наавтра явиться, какие-то сборы. Меня это насторожило. Звоню своему знакомому, работающему в военкомате, спрашиваю: что за сборы? Он говорит: а, это в Казахстан народ собирают, то ли сажать, то ли собирать урожай, то ли еще что. В общем, «на целину» – так это тогда называлось. «Надолго?» – спрашиваю. «Месяца на три-четыре». Ого! На лето я запланировал Черное море, а не Казахстан. Поднимать целину мне категорически не хотелось, да и вообще – какая целина? Опять степь? Я уже честно отслужил свое в монгольских степях!

Все учебники у меня дома лежали наготове – ведь я все время собирался приступить к занятиям, да все некогда было. Раз за разом откладывал – думал, что успею. А тут...

В общем, в военкомат я не пошел. За один день уволился с работы, собрал вещи, побросал в чемодан все нужные книги. Позвонил брату (он тогда в Грузии служил, недалеко от Цхалтубо): «Привет, – говорю. – Ну, все: я решил поступать! Еду к тебе с учебниками, готовиться буду». А его как раз в командировку куда-то посылали, и он отвечает: «Меня не будет здесь почти месяц, приезжай, живи». На следующий день я уже был в Грузии. Служебная квартира брата располагалась в уединенном и очень живописном месте. Приехал – ничего и никого вокруг не знаю, ни единого человека, с собой только чемодан книг, и у меня – месяц на подготовку к вступительным экзаменам.

Как я там занимался! С какой страстью! Просто невероятно. Я и не думал, что так мобилизуюсь. Уже через несколько дней я настолько втянулся в процесс подготовки, что целыми днями сидел за учебниками, отрываясь только на жизненно необходимое – сон и еду. И даже сны мне снились математические. Обстановка идеально подходила для такого погружения: вокруг никого, только войсковая часть, тюрьма и чайные плантации, где зеки собирали под конвоем чай. Неподалеку от дома протекала речка, и в ней я ловил себе рыбу. На маленьком мотоцикле брата ездил за продуктами, сам готовил. Так прошел месяц. Через месяц я знал, что готов сдавать экзамены в любой технический институт. Приехать – и поступить.

Я выбрал Ереванский политехнический. Сразу же из Грузии, не заезжая в Степанакерт, отправился в Ереван и подал документы на электротехнический факультет. Мне предстояло два экзамена по математике: письменный и устный. На самом деле вступительных экзаменов было четыре, еще сочинение и физика, но в те годы средний балл аттестата выше 4,5 давал право сдавать только два из них. Для поступления требовалось набрать не меньше девяти баллов в сумме.

Первым экзаменом шел письменный. Я был абсолютно уверен в себе, легко и быстро все решил, написал и ушел; и вдруг получаю за него четверку! Обидно, сделал дурацкую ошибку просто по невнимательности, поспешил и не перепроверил. Значит, теперь за устный я должен получить пять. Прихожу на экзамен, отвечаю все по вытянутому билету и сразу же говорю экзаменатору: «Мне нужна только пятерка». – «Почему?» – спрашивает. Я объясняю: «У меня высокий средний балл, я рассчитывал сдавать два экзамена. А следующий – физика, и к физике я не готовился». На самом деле готовился, конечно, но мало. «Задавайте любые вопросы, гоняйте по всему материалу, но мне нужна пятерка». Он написал пять задач и сказал: «Если их решишь – будет тебе пятерка». Я сел и легко минут за двадцать решил все задачи. Раз-раз-раз... Экзаменатор пробежался взглядом и говорит: «Молодец, пять».

И я поступил.

А все эта повестка... До сих пор помню фамилию нашего военкома – Курочкин. Я благодарен этому Курочкину, что он вовремя вытолкнул меня из привычной колеи. Так бывает иногда в жизни: происходит неприятное событие, которое вроде бы не сулит ничего хорошего. А потом оказывается, что оно тебя встряхивает, заводит и настраивает на решительные действия. Вызов в военкомат меня отрезвил. До меня дошло: пора менять свою жизнь.

Снова студент

Ереван я почти не знал. Как ни странно, я, армянин, за всю свою жизнь до учебы приезжал туда лишь дважды. Видимо, потому, что родственников в Ереване у меня было мало. Из всей нашей семьи там жил только брат бабушки по отцу, очень обаятельный, невероятно скромный отставной полковник. Как-то раз, уже будучи студентом, я решил его навестить. Дед болел и считал, что жить ему осталось недолго. Когда я пришел, он лежал в постели и перебирал корбочки с медалями. Я удивился, говорю: «Что это?» Стал их рассматривать: орден Боевого

Красного Знамени, орден Ленина, очень редкая медаль «За Халхин-Гол»⁴, дореволюционные награды и даже наградной крест, еще с царских времен, «Участнику парада в Одессе» – единственного парада с участием царя. Остальные награды я не запомнил, но их было очень много. В отдельной коробочке лежал пистолет, очень красивый маленький «вальтер» с наградной надписью: «Майору Карапетяну от наркома обороны Клим Ворошилова». Я и не подозревал, что мой дед – участник всех войн, от Первой мировой до Великой Отечественной! Оказывается, я вообще ничего о нем не знал. В 20-е годы он был первым связистом в Армении. И все это выяснилось случайно – только потому, что я зашел его навестить в тот день.

Учился я хорошо, относился к учебе гораздо серьезнее, чем в ранней юности. С учетом моих оценок и службы в армии деканат назначил меня старостой группы. Обеспечивал я себя сам: как отличнику, мне полагалась повышенная стипендия, а кроме того, я подрабатывал в лаборатории нашей кафедры. Вскоре нашел дополнительный заработок: устроился охранником в музей резьбы по дереву. Попал я туда случайно благодаря моему товарищу – он там работал и помог мне устроиться его сменщиком.

Музей оказался очень интересным местом, своего рода богемным клубом, где регулярно собиралась творческая интеллигенция пообщаться за чашкой кофе. Я познакомился там с массой интересных и обаятельных людей. Вечерами иногда прямо в музее мы устраивали застолья, о которых директор, Генрих Солахян, ничего не знал. Пару раз сделали шашлык на мангале – музейном экспонате. Однажды забыли его почистить от копоти и попались, когда директор случайно об него измазался. Конечно, он поскаandalил, но увольнять нас не стал. После этого происшествия мы купили простой мангал, и директор с удовольствием присоединялся к нам вечерами.

Работа в музее идеально подходила студенту, предоставляя и общение, и доход, и все условия для занятий. Вопрос самостоятельного заработка стоял остро: когда я учился на первом курсе, в декабре внезапно умер отец: инфаркт. Хотя никогда не жаловался на сердце, был в хорошей физической форме и даже почти не болел. Отца я очень любил и безгранично уважал. Его доброе имя еще очень долго потом помогало мне устраивать свою жизнь: отношение к отцу переносилось на сыновей, а это в маленьком Карабахе, где все знают друг друга, большая ценность. Хорошо, что он успел порадоваться моему поступлению...

Назад в Карабах

Я окончил третий курс электромеханического факультета ЕрПИ без единой четверки и неожиданно для всех перевелся на заочное отделение. Сдал экстерном экзамены, перешел на курс выше и уехал в Степанакерт. Заведующий кафедрой, декан, некоторые из преподавателей уговаривали меня не делать этого. Они не могли понять, почему студент, имеющий хорошие шансы остаться на кафедре, продолжить учебу в аспирантуре, вдруг все это бросает и уезжает в Карабах. Они ожидали услышать от меня какую-то вескую причину. Но никакой особой причины не существовало. Скорее, был целый набор факторов, подтолкнувших меня к этому осознанному и рациональному решению. Базовый курс по фундаментальным наукам за три года уже был пройден, и следующие два предполагали глубокую специализацию по электрическим машинам. Работы в этой области у нас в Карабахе нет – значит, меня бы послали по распределению на какой-нибудь из заводов Армении или оставили работать на кафедре. Ни первый, ни второй вариант меня не устраивали: переселяться в Ереван я не собирался. К тому же я видел,

⁴ Медаль «За Халхин-Гол» – после завершения вооруженного конфликта (в 1939 году) у реки Халхин-Гол монгольское правительство основало знак «Участнику боев у Халхин-Гола». Соответствующий Указ Великого Народного Хурала появился 16 сентября 1940 года. Эта награда была предназначена для вручения как монгольским, так и советским воинам. В конце 1966 года значок получил статус медали.

что осваиваю материал быстро и у меня остается много свободного времени; почувствовал, что мой внутренний темп гораздо выше заложенного в программу обучения. Решил, что помимо учебы за два года могу успеть еще многое сделать.

Дальше я продолжил учиться на заочном: занимался самостоятельно, приезжал на месяц в Ереван, сдавал все экзамены за год, большинство экстерном, и возвращался домой. Институт я окончил с красным дипломом, правда, одна четверка туда все же затесалась – по теплотехнике. Ереванский политехнический 70-х годов остался в моей памяти первоклассным вузом с очень сильным профессорско-преподавательским составом. Мой завкафедрой, который тогда не смог отговорить меня от перевода на заочное отделение, до сих пор считает, что я уехал для участия в организации карабахского движения. Видимо, я так и не смог его в этом переубедить...

Переезд в Степанакерт очень быстро привел к важному событию в моей жизни: к женитьбе.

С будущей супругой мы ходили в один детский сад. В школе тоже попали в один класс и проучились вместе четыре года, потом оказались в разных школах, потом снова в одной, но уже в параллельных классах. Она мне всегда нравилась, но лирической подростковой дружбы между нами не случилось – Белла меня почти не замечала: я был не в меру скромным, в школьной жизни почти не участвовал, а она – активистка, образцовая отличница. После школы я потерял ее из виду, и судьба снова свела нас, когда я приехал домой на каникулы, но уже с твердым решением перейти на заочное отделение. Встретились случайно в городе. Я ехал на машине... и заметил ее, идущую вверх по улице. Обрадовался, притормозил, предложил подвезти домой. Не виделись мы давно, и я ничего про нее не знал: как у нее сложилась жизнь, чем она занимается. Разговорились, решили продолжить общение, обменялись телефонами.

Поженились мы осенью 1980 года. Все как у всех: обручение, помолвка, потом свадьба. Свадьба получилась запоминающаяся! В самом ее начале уже подвыпивший свояк Виктор, открывая красное шампанское, облил им невесту с головы до ног. Беллу это расстроило, а меня не на шутку рассердило. Единственным способом спасти свадьбу и Виктора было от души повеселиться.

Жить стали у меня – сначала вместе с моей матерью и семьей старшего брата. Потом Валера, работавший в редакции газеты «Советский Карабах», получил квартиру, они переехали, и мы остались вдвоем. В 1981 году родился наш старший сын Седрак, а потом, с интервалами в два года, дочь Гаяне и сын Левон.

Белла оказалась на редкость стойким человеком. Она никогда не жаловалась и даже в самые трудные минуты молча переносила все тяготы. Человек искренний и отзывчивый, моя жена всегда стремилась помогать другим, умела строить отношения с людьми и поддерживать бесконфликтную атмосферу в доме.

В семейной жизни я счастлив. Почему? Никогда не задумывался. Я считаю, что незачем копать в отношениях, анализировать их. Если тебе комфортно, если ты не ищешь причин пойти домой попозже, готов посвятить семье воскресные дни и не считаешь это великой жертвой, то просто живи как живешь и не ищи объяснений, почему это так и что у тебя хорошо, а что плохо. Воспринимай все как есть, иначе придумаешь себе проблемы, которых на самом деле нет.

Комсомол

Шел 1980 год. Я устроился инженером-технологом на электротехнический завод (был у нас в советское время такой завод, производил светотехнику). Но проработать мне там пришлось совсем недолго, меньше полугода. Как-то раз звонит мне секретарша директора: «Тебя на завтра вызывают в горком комсомола, к первому секретарю, он сказал, что срочно хочет уви-

деть Кочаряна». – «Меня? Увидеть? Зачем? Да откуда он вообще про меня знает, первый секретарь?» – спрашиваю. Оказалось, горком комсомола ищет новые кадры, и на заводе назвали мою фамилию.

А я к комсомолу вообще никакого отношения не имел. Нет, я, конечно, был комсомольцем, но тогда все были комсомольцами! Никогда в жизни никакой общественной активности я не проявлял, более того, комсомольских лидеров не любил, считая их выскочками. С секретарями комсомольских организаций у меня всегда складывались натянутые отношения, а с одним из них – в ЕрПИ даже вышел конфликт. Как-то раз он вместе со свитой зашел к нам в комнату в общежитии, не постучавшись. Кажется, шла какая-то проверка. Я читал, сидя на кровати, и, видимо, посмотрел на него недружелюбно: мне не понравилось вторжение. Комсорга это задело, и он командным голосом как рывкнет на меня: «Вставать надо, когда начальство входит!» Я вспыхнул мгновенно: «Послушай, начальник, тебя в детстве не учили в дверь стучать? Имей в виду, если я встану, то это плохо кончится!» Один из сопровождавших шепнул ему что-то на ухо, комсорг пригрозил вызвать меня на комитет и обсудить мое неподобающее поведение и ушел. Вызова на комитет так и не последовало – ребята передали, что обсуждать меня сочли неуместным. Напротив, после этого инцидента держались со мной подчеркнуто вежливо.

Интересно, что, несмотря на всю мою резкость и негативное отношение к комсомольскому начальству, взаимной неприязни с их стороны не возникало. Наоборот, меня всячески пытались втянуть в общественную деятельность: «Ты отличник, тебя студенты уважают, к тебе прислушиваются. Ты мог бы стать комсомольским лидером!» Ну да, я всегда хорошо учился, особенно мне нравились математика, теоретическая механика, физика. Легко справлялся с любой задачкой из учебника. Ко мне часто обращались с вопросами по учебе, если в чем-то не могли разобраться, и я никому не отказывал в помощи. К тому же в общежитии у нас быстро сложилась дружная компания студентов. Хорошую учебу мы сочетали с активным времяпрепровождением. Придумывали веселые занятия, розыгрыши – делали свою жизнь интересной. Однокурсники меня уважали за знания, за действия, за характер – я это чувствовал. Но при чем тут общественная работа? Почему меня постоянно пытаются в нее втянуть? Я совсем не хочу этим заниматься! Публичность меня никогда не привлекала. Даже в детстве я был стеснительным ребенком, в школьной самодеятельности ни разу в жизни не участвовал, избегал шумных сборищ. Мне гораздо больше нравилось бродить с ружьем в горах или по лесу, одному или с самыми близкими друзьями.

Короче говоря, тяги к комсомольской работе я никогда не испытывал, и вдруг меня приглашают в горком комсомола! Но пришлось идти.

Захожу к первому секретарю, Виктору Кочаряну, и он предлагает мне у них работать. Говорит, что они рассматривают новые кадры, им меня порекомендовали, я им подхожу и есть срочная вакансия: секретарь комсомольской организации на одном предприятии. Я отказался категорически. «Да вы что, – говорю, – я инженер по образованию, никогда комсомольской работой не занимался, понятия не имею, что это такое, да и вообще – зачем мне все это нужно? Не хочу, это не мое!» – «Ты все-таки подумай, это же возможность карьеры. Не спеши отказываться. Подумай, а через пару дней скажешь...»

Я, конечно, размышлял над его предложением. Я понимал, что это не только новое для меня дело, но и возможность карьерного роста. Я занимался спокойной и скучной работой, которая не требовала напряжения и азарта. Что обычно делает технолог? Проводит несколько часов в цехе и следит, чтобы все технологии соблюдались. Я пытался внести в работу разнообразие, размышлял, что можно изменить, улучшить на производстве. Мне было интересно делать чуть больше, чем от меня требовалось.

Виктор Кочарян, мой однофамилец, тот первый секретарь, который меня пригласил работать в горком, всего через месяц после разговора со мной ушел в КГБ и дослужился до руко-

водителя спецслужбы НКР. Позже мы с ним породнились, женившись на сестрах. Но тогда, в момент нашей первой встречи, всего этого еще не произошло, я его совсем не знал и не мог предположить, что судьба свела нас надолго.

Через пару дней, поскольку сам я не появился, мне снова позвонили из горкома: «Ну, что решил?» Я в ответ буркнул что-то неопределенное: мол, ничего не решил, не знаю. А сам думаю: черт, а может, это как раз то, что мне надо? Во всю эту идеологию я уже не верил, но... у меня ведь совсем нет навыков работы с людьми, а тут как раз подворачивается возможность их получить – научиться делать то, чего я не умею, не пробовал и от чего всегда бежал как от огня. Я вдруг увидел в предложении вызов моим способностям, а это меня всегда притягивало и заводило.

Через день я сам позвонил в горком и сказал: «А что, давайте попробуем» – и... оказался на комсомольской работе.

Все мои друзья здорово удивились – хорошо меня зная, они даже представить себе не могли, что я соглашусь. Помню, что чувствовал неловкость перед ними: всегда с неприязнью относился к комсомольским вожакам, а тут вдруг сам решил стать одним из них. Но я пошел на это сознательно, без всяких идейных соображений. И это решение оказалось поворотным в моей судьбе.

Меня назначили освобожденным секретарем первичной организации, причем самой застойной в городе и самой непонятно устроенной, с загадочным названием – КБОН. Расшифровывалось оно так: комбинат бытового обслуживания населения. Идти туда секретарем не хотел никто, и вакансия эта висела в горкоме года два. Она считалась провальной: все мои предшественники вскоре после назначения вылетали с выговорами. Работать там действительно было сложно. КБОН представлял собой множество различных ателье, столовых, прачечных, разбросанных по всему городу. На любом заводе или фабрике, где люди каждый день вместе идут через одну проходную, ощущение коллектива возникает естественно, само собой. А мои комсомольцы работали в совершенно разных местах, не были между собой знакомы и никогда друг с другом не пересекались. Комсомольская работа, судя по всему, у них не велась уже давно.

Такого я совершенно не ожидал. Думаю: черт возьми, а что мне со всем этим делать-то? Что это вообще такое – комсомольская работа и как ее ведут? Начинал с абсолютного нуля: просто знакомился с людьми. Вот где была целина для развития коммуникативных навыков! Я заходил в какое-нибудь ателье, здоровался, представлялся: «Я ваш новый секретарь комсомольской организации, Роберт Кочарян, а где такой-то? Нет на месте? Где я могу его найти?» Оказалось, что не так уж это и сложно, просто надо больше улыбаться и быть готовым общаться не только с теми, кто тебе нравится. За короткое время мне удалось собрать из своих комсомольцев неплохую активную команду.

В качестве первой задачи я решил познакомить всех между собой. Говорю ребятам: «А давайте мы хоть раз соберем всех вместе, в одном зале, и проведем вечер отдыха. Они же друг друга в глаза никогда не видели!» Подходящее помещение мы нашли легко: все залы для проведения торжеств в городе принадлежали нашему комбинату. Подготовкой и обслуживанием всех мероприятий занимались тоже наши люди, так что и с организацией сложностей не возникло. Собрались, провели вечер – всем очень понравилось. С этого все и началось.

Я вдруг обнаружил в себе качества, о которых никогда не подозревал. Вернее, интуитивно я чувствовал и в детстве, и в школьные годы, и в армии, и в институте, что к моему мнению прислушиваются, что я могу влиять на людей, увлекать и объединять их вокруг себя. Но теперь это стало моей главной задачей и получалось естественно, само собой, не требуя никакого напряжения. Спустя короткое время организация реально заработала! Причем произошло это без всякой идеологии – я никогда не произносил пафосных речей.

Заметив, что мои усилия дали хорошие результаты, месяцев через восемь мне предложили повышение – и я стал инструктором в орготделе горкома комсомола. Там меня ждала совсем другая деятельность – в основном организационная: львиную долю дня я проводил у телефона, общаясь с первичными организациями, которых существовало огромное множество. Благодаря этому я познакомился с большим количеством новых людей и хорошо изучил город.

Но перемены, похоже, меня преследовали: примерно через год я ушел в горком комсомола вторым секретарем (произошла цепочка перемещений: второй секретарь стал первым, а первого перевели в обком). На новой должности у меня заметно прибавилось как задач, так и ответственности. Я отвечал за молодежный спорт в городе, за туризм, за военно-патриотическое воспитание. Соревнования, молодежные летние лагеря, игры «Зарница» и «Орленок» – список мероприятий был внушительным, график – плотным, так что если кто-то представляет себе комсомольскую работу как просиживание кресла в кабинете и бесконечные резолюции, то пусть знает: это совершенно не так.

Я был занят с утра до вечера живой работой с людьми, к которой к тому моменту у меня уже появился вкус. Комсомол оказался отличной школой! Он действительно учил такой работе, развивал лидерские качества и инициативность, ведь приходилось постоянно придумывать что-то новое. Конечно, еще требовалась энергия, чтобы все придуманное воплотить в жизнь, но энергии-то мне всегда хватало с избытком.

Среди моих задач были и более формальные: регулярно проводить пленумы и заседания бюро. Подходили мы к этому делу ответственно, но без энтузиазма, считая обязательной рутинной. Это были 80-е годы, в стране никто уже не верил в светлое коммунистическое будущее, а очереди за маслом, мясом и туалетной бумагой совсем не вдохновляли на подвиги. В киосках «Союзпечати» журналы «Коммунист» и «Агитатор» – издания ЦК КПСС – давали в нагрузку к гламурному журналу «Советский экран». У нас в горкоме все партийные функционеры, за редким исключением, относились к идеологии утилитарно, как к инструкции для стиральной машины. Вряд ли где-то еще в городе рассказывали столько анекдотов про Брежнева, как в наших стенах. А специфическую дикцию Леонида Ильича лучше всех копировал заведомо отдела горкома партии.

Коммунистическая идеология, которая служила фундаментом и цементом для огромной страны, повсеместно разлагалась, а дряхлеющее партийное руководство не могло предложить взамен ничего нового и привлекательного.

В то время пост первого секретаря нашего горкома партии занимал Завен Мовсесян – человек правильный и добрый, прошедший путь от рабочего до партийного лидера. Мы все очень его уважали. Как-то раз после одного из пленумов он пригласил меня к себе: «Я вижу, ты хорошо работаешь – с энтузиазмом, энергии у тебя много. Но в твоих выступлениях нет ссылок на решения ЦК и вообще отсутствуют цитаты из Брежнева». Я немного напрягся – я действительно избегал фразы «как сказал Леонид Ильич» – и честно признался: «Да как-то язык не поворачивается». А Мовсесян вздохнул, посмотрел на меня пристально и очень мягко, по-отцовски, сказал: «А ты думаешь, мне все это нравится? Но надо хоть раз-то сказать... Ну, просто принято это делать». Этот человек честно делал свою работу, пытаясь приносить максимальную пользу там, где был.

Вторым секретарем я проработал около двух лет, а потом вступил в КПСС и ушел инструктором в горком партии. Из горкома меня направили на наш Шелковый комбинат секретарем парткома. Комбинат являлся самым крупным предприятием области – как тогда говорили, «флагманом нашей индустрии», – и это назначение напоминало самое первое в моей комсомольской карьере: всех, кого туда посылали в последние годы, потом «награждали» партийными выговорами.

На комбинате меня встретил огромный рабочий коллектив – хороший, но очень непростой: профессионалы высокой квалификации, которые знали цену своему труду. Несколько из моих ткачих имели звание Героя Социалистического Труда, правительственные ордена и медали, одна из них была членом бюро обкома партии, другая – депутатом Верховного Совета СССР. А инженерно-технический состав считался настолько сильным, что наших специалистов приглашали на другие предприятия в Азербайджане, когда местные инженеры не справлялись с монтажом новой техники или настройкой высокотехнологичного оборудования. И тут перед ними я – новый молодой парторг, присланный из горкома. Поначалу я чувствовал к себе настороженное внимание: «Что он будет делать? Поведет себя как большой начальник? Или станет нашим?»

У меня было хорошее стартовое преимущество, ведь я более двух лет проработал там электриком. Я знал многих сотрудников, понимал особенности работы, имел представление о технологии. Без глубокого знания производства симпатии коллектива завоевать невозможно независимо от того, какую должность ты занимаешь. С другой стороны, совершенно недопустимо в погоне за симпатиями заигрывать с рабочими, изображая «своего парня». Думаю, это и стало основной проблемой моего предшественника.

Добротное инженерное образование в сочетании с опытом, полученным за время трудовой деятельности на рабочих должностях, позволили мне очень быстро вписаться в коллектив и установить хорошие и прочные деловые отношения как с рабочими, так и с инженерно-техническим персоналом.

Словом, работать мне было интересно.

Здесь я приобрел новые знания и навыки, которые в будущем мне оченьгодились. Я научился лучше понимать коллективную психологию людей, причем людей из незнакомой мне социальной среды, научился правильно вести себя с ними. В отличие от комбината бытового обслуживания, на котором я когда-то начинал свою комсомольскую карьеру, тут коллектив объединяло мощное чувство локтя: каждое утро все идут через одну и ту же проходную, все друг друга знают и вместе болеют за общий результат.

Я не верю в классовую теорию, но видел и знаю: несмотря на все внутренние противоречия, рабочая солидарность существует. Наверное, это то, что в нынешнее время психологи называют «корпоративной солидарностью». Чувство единения с коллективом наделяет каждого его участника дополнительной силой. В Карабахе эта сила проявила себя в полной мере очень скоро – когда возникло и моментально набрало мощь карабахское движение.

Часть II Карабах

Глава 5 Начало освободительного движения

Сбор подписей за воссоединение с Арменией

Началось все осенью 1987 года с мирных и законных действий: со сбора подписей под обращением в ЦК КПСС, Горбачеву, с просьбой о передаче Нагорно-Карабахской автономной области из состава Азербайджана в состав Армении. Когда-то такой же точно процесс – сбор подписей и обращение в ЦК – случился при Хрущёве, во время оттепели 1966–1967 годов, и был жестоко подавлен властями. Но в этот раз ситуация кардинально отличалась от предыдущей: не мы вдруг начали требовать перемен, а перемены сами ворвались в нашу жизнь. Ворвались стремительно, вместе с лозунгами «демократия», «перестройка», «гласность». Оказалось, что можно говорить обо всем, что наболело, и впервые за многие десятилетия у нас появилась вера, что мы, обычные люди, можем влиять на происходящее.

Это был невероятно интересный и наполненный надеждами период. Шел I Съезд народных депутатов СССР, и люди по всей стране следили за его трансляцией, не отрываясь от телевизоров и радиоприемников. На трибуне Съезда появились интересные и грамотные ораторы, говорящие на всю страну такое, о чем за год до этого люди предпочитали шептаться на кухнях. Они мгновенно превращались в звезд, становились гостями телепередач, интервью с ними публиковались в прессе. Телевидение, газеты и журналы стали чрезвычайно интересными и притягивали к себе внимание миллионов зрителей и читателей. По утрам в киоски «Союзпечать» выстраивались очереди за свежими газетами, и тиражи самых популярных изданий уже к обеду раскупались подчистую.

Как будто вдруг распахнули окна в комнате, которую не проветривали десятилетиями, и от избытка политического кислорода у всех голова пошла кругом. Непривычная свобода рождала веру в то, что все мы вольны сами выбирать, принимать решения, создавать собственное будущее – будущее своего Арцаха. Ну, по крайней мере, мы действительно поверили в то, что перемены к лучшему и в нашей жизни, и в нашем государственном устройстве наконец-то стали реальными.

Однако параллельно шел и процесс эрозии власти, сначала незаметный, но уже набиравший обороты. В крайне централизованной, идеологизированной и многонациональной стране власть сама ломала привычные стереотипы и барьеры, но при этом вряд ли осознавала, что одновременно разрушает устои государственного устройства СССР. Прямо на глазах страна становилась неуправляемой, плановая экономика ушла в свободное падение, а нарастающие центробежные силы сделали процесс необратимым.

Меня часто спрашивают: «Разве развал СССР начался не с карабахского движения?» Я отвечаю отрицательно: конечно, нет. Просто противоречия вскрылись там, где они изначально существовали, и произошло это в точках наивысшего напряжения. Каждый раз в истории Карабаха ослабление центральной власти неминуемо приводило к обострению межэтнических противоречий. Любые политические потрясения в центре, которые нарушали привычный ход вещей и создавали ощущение политической бесхозности, пробуждали стремление кара-

бахцев к воссоединению с Арменией. Так было и в 1917–1920 годах: после революции, с падением имперской власти Карабах стал ареной столкновений между армянами и азербайджанцами. В царской России административное территориальное деление шло по губерниям без учета этнических особенностей территорий. Карабах входил тогда в Елизаветпольскую губернию, а большая часть нынешней Армении – в Эриванскую. Развал Российской империи сопровождался формированием новых независимых государств в Закавказье. Каждое из них провозглашало свои границы, и в некоторых местах произошло наложение территорий, поскольку в Баку считали, что границы нужно проводить по территориальному делению уже не существующей Российской империи, а в Ереване – по этническим границам проживания армян. Армяне отстаивали свой подход, поскольку он давал возможность реализовать многовековое стремление к воссоединению и восстановлению армянской государственности. Но, когда Красная Армия вошла в Баку и Ереван, спор по Карабаху был решен в пользу Баку. Нагорный Карабах оказался в составе Азербайджана, хотя подавляющее большинство населения области составляли армяне.

Мы, карабахцы, постоянно чувствовали, что наши интересы игнорируются и ущемляются. Наличие автономии не ограждало нас от административного доминирования Баку. В советские годы его основные усилия были направлены на то, чтобы заселить область азербайджанцами, изменив этнический состав края. Это нас очень тревожило, ведь мы уже видели почти полную деармянизацию Нахичевани. Союзные власти с крайней подозрительностью воспринимали любые отношения НКАО с Арменией и пытались максимально их ограничивать. Советский атеизм на практике внедрялся весьма избирательно. Последняя церковь в Карабахе была закрыта еще в 20-е годы, а все армянские храмы стояли без крестов, и азербайджанские историки называли их албанскими. При этом в соседнем с Карабахом Агдаме весь советский период функционировала мечеть. Даже за право говорить на своем языке нам приходилось постоянно бороться. Сталкиваясь на каждом шагу с проявлениями неравноправия, мы чувствовали себя хозяевами в Карабахе, но чужими в Азербайджане.

Я как-то назвал наши отношения с азербайджанцами «этнической несовместимостью» и потом долгое время подвергался резкой критике за свои слова. Возможно, я действительно выразился неудачно, но ведь очевидно, что у наших народов абсолютно разные этнические, религиозные и культурные традиции, разный бытовой уклад. У нас разные предпочтения и представления о моделях государственного устройства наших стран и их геополитических приоритетах. Думаю, мы можем стать хорошими соседями, но мы никак не должны находиться в подчинении друг у друга.

Стремление воссоединиться с Арменией существовало на протяжении всего советского периода. Внешне незаметное, оно подспудно дремало в армянском обществе, готовое проявиться на поверхность в любой момент, как только позволят обстоятельства. Инициатива по сбору подписей возникла в Ереване и очень быстро охватила Карабах. Процесс запустила армянская интеллигенция – в основном выходцы из Карабаха, по разным причинам живущие за его пределами. У всех на слуху оказались тогда имена Зория Балаяна⁵, Баграта Улубаяна⁶, Игоря Мурадяна⁷, но движение не имело формальной структуры – оно было стихийным, как лесной пожар: так пламя, вспыхнувшее в сухом лесу, распространяется стремительно и неудержимо, захватывая все вокруг.

⁵ **Балаян, Зорий Гайкович (род. в 1935 г.)** – советский и армянский писатель, публицист, политический и общественный деятель. Активный участник борьбы за независимость Нагорного Карабаха. В 1989–1991 годах – народный депутат СССР. Герой Арцаха.

⁶ **Улубаян, Баграт Аршакович (1925–2001)** – советский и армянский историк, известный своими трудами по истории Нагорного Карабаха. Доктор исторических наук. Активный участник Карабахского движения.

⁷ **Мурадян, Игорь Маратович (род. в 1957 г.)** – армянский политический и общественный деятель, активный участник движения за независимость Нагорного Карабаха, один из основателей комитета «Карабах».

Я в то время по-прежнему работал секретарем парткома Шелкового комбината. Жизнь текла размеренно – спокойная, понятная, стабильная и предсказуемая. Коллектив на комбинате был дружный, сплоченный. Можно сказать, одна большая семья.

И вот однажды, в самый обычный день, ко мне подходят двое наших рабочих. Говорят: «Везде собирают подписи под обращением в ЦК о воссоединении Нагорного Карабаха с Арменией, и мы хотим в нашем коллективе тоже собрать – все же крупнейшее предприятие области. Вы не против?» Я, конечно, не был против: я видел, что происходит в городе, – правда, особого значения этому еще не придавал: «Давайте! Раз везде собирают – может, и получится что-то». Через пару дней я узнал, что под обращением в ЦК подписался почти весь наш комбинат, спустя еще неделю – все предприятия Степанакерта, а к концу месяца – уже все жители города! В очень короткий промежуток времени, месяца за три, свои подписи поставило чуть ли не все взрослое армянское население Карабаха. Исключением стали только самые высокопоставленные партийные работники, которые на такой шаг не решались в силу своей должности, но и они смотрели на происходящее с симпатией, сопереживали и поддерживали.

Сбор подписей велся подпольно, поэтому сложно сказать, кто управлял этим процессом, – никакой оформленной структуры не существовало (по крайней мере, я о такой никогда не слышал). Явных лидеров тоже не наблюдалось, но, пожалуй, среди всех активистов заметно выделялся Аркадий Карапетян (позднее, во время войны, он станет заниматься формированием отрядов самообороны). При этом вовлеченность в движение, начатое маленькой группой энтузиастов, росла в геометрической прогрессии и очень быстро стала всеобщей. Этот удивительный яркий процесс эмоционально глубоко захватил и объединил наш народ. Нас переполняли оптимизм и искренняя вера в то, что раз в стране гласность, перестройка, то ко мнению людей, конечно же, прислушаются. Мы были убеждены в собственной правоте и не совершали ничего антисоветского – просто подписали законное обращение в ЦК КПСС, в Политбюро, к Горбачеву.

1 декабря 1987 года наша карабахская делегация поехала в Москву и передала обращение, под которым стояло несколько десятков тысяч подписей, в приемную ЦК КПСС. В нем мы объясняли свою позицию и приводили в ее защиту документы, касающиеся истории, этнографии, культуры Нагорного Карабаха. Через месяц, в январе 1988-го, в Москву отправилась еще одна делегация. Каждая из них пыталась донести до центральной власти простую идею: проблема есть – и серьезная; раз она уже поднялась на поверхность, ее нельзя игнорировать – ее надо решать. Можно действовать поэтапно, можно искать различные формы, но нельзя делать вид, что ее не существует, – иначе начнутся неконтролируемые процессы. В ЦК нашим делегатам отвечали, что относятся к сложившейся ситуации с пониманием, но рассматривать ее готовы только в социально-экономической плоскости. Говорили, что схожих проблем в СССР около двадцати, и решение одной из них повлечет за собой цепную реакцию. Вести из Москвы не вдохновляли – напротив, они только нагнетали напряжение, гальванизировали до предела известное упрямство карабахцев, и в какой-то момент накопившаяся неудержимая энергия просто вытолкнула людей на улицы. Начались массовые митинги и демонстрации.

Мирные выступления

Для Советского Союза это было невиданное дело: митинг, не организованный сверху, а, как сейчас говорят, несанкционированный, стихийный, народный, зародившийся в самых низах. Такого не случалось, наверное, со времен царя. Самые первые выступления происходили мирно, под искренними и наивными лозунгами – мы все еще верили, что решение центральной власти будет справедливым. Люди выходили на улицу с плакатами «Ленин, Партия, Горбачев». С каждым днем митинги становились все более многочисленными, все чувствовали, что происходят очень важные исторические события, и никто не хотел оставаться в стороне.

Процесс захватил даже тех, кто занимал высокие должности и поэтому, казалось бы, должен был вести себя более осторожно. Но так не получалось: если, скажем, первый секретарь райкома партии не присоединялся к стихийному митингу, который собрался у здания райкома, то сразу же терял всякий авторитет.

Появились первые неформальные лидеры – те люди, которые активно выступали на митингах, смело говорили о происходящем, умели увлечь за собой. Некоторые из них придерживались радикальных взглядов, другие – более умеренных, но многих из них знали и уважали по прошлым делам и поступкам, их мнению доверяли, к ним прислушивались. Среди этих лидеров были и директора предприятий, и партийные работники, и преподаватели вуза, писатели и представители рабочих коллективов.

Пошел интересный и необычный для советской действительности процесс самоорганизации движения. Инициативно образовалась неформальная группа, которая принимала все решения о митингах: где и когда их проводить, как обеспечивать порядок. Никто нас не избирал, все произошло само собой: активистов, взявших на себя организационные функции, объединила совместная деятельность. Стояла зима, очень холодная в тот год, и мы заботились о том, чтобы люди имели возможность согреться: привозили горячую воду, заваривали для всех чай, обеспечивали питание. Медики устроили на площади дежурство «скорой» – мало ли что может произойти.

Мы собирались в любом подходящем месте – на работе или дома у одного из нас, – обсуждали текущую ситуацию и принимали решения. В это же время на всех карабахских предприятиях шли общие собрания коллективов и первичных партийных организаций. Тема обсуждения – одна, насущная, волнующая всех: переход Нагорного Карабаха в подчинение Армении. Собрания единогласно принимали постановление: «Просить вышестоящие органы решить вопрос о воссоединении НКАО с Арменией положительно». Затем постановления передавались выше, и везде – на пленумах и партхозактивах райкомов, горкома партии и советов народных депутатов всех уровней – принимались единогласно.

Руководство Азербайджана пыталось повлиять на нас. Приезжали разные партийные деятели, должностные лица из ЦК компартии республики и уговаривали прекратить митинги. Держались они не очень уверенно – нам казалось, что власть растерялась и не вполне понимает, что со всем этим делать.

В середине февраля в Степанакерт ввели союзные войска, а Баку направил дополнительные милицейские силы из соседних с областью азербайджанских районов. Такая попытка силового давления не вполне вписывалась в заявленную центральной властью политику и сразу вызвала у всех волну возмущения и негативное отношение к союзному центру. Теперь на улицы вышел весь город, и митинги продолжались безостановочно. Основное требование – созвать сессию народных депутатов области и принять решение о воссоединении НКАО с Арменией. Начался сбор подписей депутатов областного совета за проведение 20 февраля внеочередной сессии с единственным вопросом на повестке дня: о передаче области из состава Азербайджана в состав Армении. Собрать нужное по регламенту количество подписей в той атмосфере не представляло ни малейшего труда.

19 февраля азербайджанское агентство «Азеринформ» сообщило, что ЦК КПСС никаких территориальных вопросов не рассматривал и рассматривать не собирается. В знак протеста в Карабахе объявили всеобщую забастовку. В советские годы забастовка считалась невероятным, из ряда вон выходящим событием. Уже на следующий день в Степанакерт прибыла делегация – Багиров⁸, Яшин⁹ и еще кто-то из членов бюро ЦК КП Азербайджана, чтобы предотвратить проведение сессии.

⁸ Багиров, Кямран Мамед оглы (1933–2000) – член ЦК КПСС, с декабря 1982 года по май 1988 года – первый секретарь ЦК КПСС Азербайджанской ССР.

Багиров дал установку силовым структурам всячески препятствовать сбору депутатов, и мы весь день перевозили их окольными путями, чтобы обеспечить явку и не дать сорвать сессию. Добравшихся до Степанакерта мы тут же снабжали необходимыми материалами и списком аргументов для выступлений. Ведь тогда советы формировались партийными органами с обязательным процентом охвата рабочих и колхозников, фактически – по разнарядке, и далеко не все депутаты обладали ораторскими навыками. К вечеру мы смогли обеспечить кворум, и сессия началась в 21:00. Площадь перед зданием облисполкома была переполнена людьми. На сессию неожиданно пришли Багиров, Яшин, Кеворков¹⁰, а также члены бюро обкома партии. Первым выступил Багиров. Он говорил о братской дружбе наших народов, о том, как мы вместе счастливо 70 лет бок о бок живем в Азербайджане, и что небольшая группа безответственных националистов подбивает народ на необдуманные действия. Обещал в кратчайшие сроки исправить все допущенные по отношению к области ошибки. Подчеркнул, что сессия не вправе решать территориальные вопросы и что Карабах останется в составе Азербайджана. В таком же ключе выступил и Яшин.

В ответ начали выступать депутаты. Они эмоционально говорили о систематических ущемлениях интересов области и о том, что сессия вправе принимать решения абсолютно по всем вопросам, касающимся НКАО. Багиров и Яшин часто прерывали ораторов, сыпали обещаниями и заявляли, что проблемы области отныне будут находиться в центре внимания Баку. Однако все их усилия изменить ход сессии были тщетны. Потеряв всякую надежду добиться своего, они ушли, и сессия приняла историческое для Карабаха решение о выходе из состава Азербайджана и воссоединении с Арменией уже в их отсутствие.

На следующий день, 21 февраля, вышло постановление Политбюро ЦК КПСС «О событиях в Нагорном Карабахе», в котором наше требование о включении области в состав Армянской ССР назвали «принятым в результате действий экстремистов и националистов» и «противоречащим интересам Азербайджанской ССР и Армянской ССР». Республиканские радио и телевидение тут же во всеуслышание заявили, что волнения в НКАО – дело рук «отдельных экстремистских группировок». Но обращение к Политбюро ЦК было принято на заседании Областного совета народных депутатов, чему предшествовали решения партийных и советских органов области всех уровней! Постановлением Политбюро практически все армяне Карабаха вдруг стали экстремистами. У нас тогда шутили: как истинные коммунисты, теперь мы должны соответствовать данной оценке.

⁹ Яшин, Виктор Михайлович – инструктор отдела пропаганды ЦК КПСС.

¹⁰ Кеворков, Борис Саркисович (1932–1998) – в 1973–1988 годах – первый секретарь Нагорно-Карабахского обкома КПСС.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.